

ЛИТЕРАТУРА:

Адмони ... 1960: Адмони В., Сильман Т. Томас Манн: *Очерк творчества* // Л.: Сов. писатель, 1960.

Вильмонт 1961: Вильмонт Н. *Художник как критик* // Т.Манн. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. 10. М.: Худ. лит-ра, 1961.

Манн 1961: Манн Т. *Германия и немцы* // Т.Манн. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. 10. М.: Худ. лит-ра, 1961.

Мотылева 1976: Мотылева Т.Л. *Томас Манн (после 1918 г.)* // История немецкой литературы в пяти томах. Т.5. М.: Наука, 1976.

Русакова 1975: Русакова А.В. *Томас Манн*. Ленинград: Изд. Лен. ун-та, 1975.

Манн 1961: Mann Th. *Betrachtungen eines Unpolitischen*. Berlin-Darmstadt-Wien: Deutsche Buch-Gemeinschaft, 1961.

JULIA LEVCHUK

Ukraine, Lutsk

Lesya Ukrainka Eastern European National University

Actualization of National Mythologeme in the Conditions of Foreign Topose (Lesia Ukrainka's «The Forest Song»)

In the article the author examines the problem of creativity in terms of emigration, particularly Lesia Ukrainka's stay in Georgia, where she has created a drama-extravaganza «Forest Song». Attention is given to the function mythological scheme in the study text as a universal scheme in the world. An important aspect in this study are the mnemonic features of writer, her ability to extract from memory long ago assimilated the information. In addition, the article refers to the issue of cultural (collective) memory, mechanisms that triggered unconsciously. The theory of collective memory is very closely connected with the concept of «collective unconscious» of C. G Jung, which allows the researcher to talk about «the interaction of cultures» (in Y. Lotman), in this case, the Georgian and Ukrainian.

Key words: *mythological scheme, drama extravaganza, mnemonic abilities, collective memory.*

Ю. А. ЛЕВЧУК

Украина, Луцк

ВНУ

**Актуализация национальной мифологемы в условиях
иностранного топоса
(«Лесная песня» Леси Украинки)**

Известно, что Леся Украинка длительное время жила в Грузии, а её великолепный шедевр – «Лесная песня» (1911) написан в Кутаиси, как не странно. Обстоятельства в жизни писательницы складывались таким образом, что она была вынуждена много уезжать за границу, в частности в те страны, где климат был оптимальным для её здоровья. Конечно же, это не была эмиграция по идеологическим причинам, но, тем не менее, это были далеко не добровольные решения: Лесе Украинке всегда было тяжело физически и морально, находясь вдали от родной земли.

В основе «Лесной песни» – мифы Западного Полесья демонологического характера. Рассказы о мавках, лесовиках, русалках и других персонажах Леся Украинка слышала еще в детстве. Все эти образы находились в памяти поэтессы всю жизнь и всплыли наружу практически в самом конце этой жизни (до 1 августа 1913 года оставалось совсем немного), к тому же автор находился далеко от тех мест, о которых писал. Цель исследования – найти механизмы воссоздания в памяти давно усвоенной информации. Эффективным в этом плане есть когнитивное литературоведение, в частности – мнемопоэтика, ведь именно этот аспект когнитологии занимается вопросами памяти, воспоминания, забвения и т. п.

Драма-феерия «Лесная песня» – это микрокосмос, в котором всё действует по другим законам (имеется в виду мир мифических существ). Мифологема являет собой некую универсальную схему, присущую в сознание человека помимо его воли. Мифологемы одного этноса очень часто имеют сходства с мифологемами других этносов. Ощущение этого сходства возникает на подсознательном уровне, вследствие чего в памяти начинают актуализироваться архаические образы.

С. Кочерга утверждает, что Леся Украинка активно интересовалась гностическими трудами, касающимися веры, как христианской, так и других религий. Именно потому поэтесса, по мнению исследовательницы, это «личность, которая благодаря своей вере способна подняться и уйти вопреки общепринятому, даже если оно освящено клерикальными авторитетами ... Не странно, что поиски таких личностей логически выводят Лесю Украинку к неканоническим истокам, ересям и их учениям. Не менее важной

для неё была загадка времени: почему маргинальные верования, которые столетиями пытались стереть каноническое христианство, не исчезают, а сохраняют свою потенцию к жизни?» (Кочерга 2010:194). Леся Украинка действительно очень активно интересовалась как христианскими учениями, так и языческими. «Лесная песня» базируется в основном на языческих верованиях, которые существуют уже не столь свободно, а параллельно христианству, то есть вера во все эти лесные существа является ересью и богохульством с точки зрения доминирующей религии.

М. К. Кадубина, исследуя жанровую природу «Лесной песни», приходит к заключению о том, что в этом произведении воссоединились жанры сказки как идеального мира и жанр трагедии как мира, наполненного злом (Кадубина 2004:76). Нельзя утверждать, что «Лесная песня» это симбиоз только двух вышеуказанных жанров, поскольку здесь можно увидеть и жанр собственно драмы, и поэмы, и легенды, и мифа. Феерия – жанр, который не возник сам по себе, он скорее всего есть результатом взаимодействия нескольких жанров. И это не только в Леси Украинки, точно так же можно говорить и о «Marchendrama» у Г. Гауптмана. В этом состоит особенность жанра драмы-феерии, потому как «феерия предусматривает значительно высшую степень универсализированности идейно-проблематического уровня, неисчерпаемость трактовок которого возможна именно благодаря максимальной условности характеров, событий и хронотопа» (Десятова 1999:57). В свою очередь эта глубина и неисчерпаемость смыслов возникает на уровне мифа, который представлен в жанре драмы-феерии как мифологема, то есть «осколок» мифа, некая схема (образная, сюжетная), которая движет события в драме-феерии. Другими словами мифологема составляет основу исследуемого жанра и имеет в себе тот объём информации, которую мы назовём национальной памятью.

По поводу понятия коллективной памяти, достаточно недавно разработанного, М. Лановик размышляет следующим образом: «Психические структуры каждой нации вырабатывают собственные уникальные матрицы коллективной памяти, подсознательные компоненты, которые проникают в процесс писания и чтения, проявляются видимо, «материализуясь» главным образом на уровне стиля. Уже в начале XX в. проблема национального стиля связывалась не только с отображением в языке мировоззренческой системы народа, но и была углублена пониманием стиля эпохи. Ведь каждая эпоха обогащает внутреннее значение даже отдельного слова или образа новыми значениями, оттенками значения, дополняет новыми ассоциациями» (Лановик 2011:177). То есть национальная мифологема – это часть национальной памяти (этих мифологем может быть очень много), и в определённых условиях эта мифологема актуализируется. Кроме того первобытное (мифическое)

мышление и детское мышление очень близки по своей сути, поэтому мифы Западного Полесья (а их Леся Украинка усвоила ещё в детстве) так крепко удержались в памяти поэтессы. Это свидетельствует о двух механизмах воспоминания: первый касается индивидуальной памяти, которая исходит из детских (основанных на эмоциях) впечатлений, второй срабатывает на уровне коллективной памяти, которая основана на архетипах, национальном менталитете.

О. В. Переходцева выделяет «три самые влиятельные концепции памяти в литературоведении, которые достаточно эмпирически сформировались к настоящему моменту: память литературы, память в литературе и литература в культурной памяти» (Переходцева 2012:158). «Память литературы» (memory of literature) – это концепция, приписывающая символической системе «литература» свойство памяти, согласно которой литературные произведения и их эстетические формы «помнятся» авторами, читателями, институтами» (Переходцева 2012:159). С этой точки зрения жанр «драмафеерия» это дань зарубежной литературной традиции, ведь Леся Украинка активно читала и Гапмана, и Метерлинка, и Ибсена. Именно эти писатели заложили фундамент фантастической драмы, в которой действуют мифические персонажи. «Второй принципиальный подход к изучению постановки проблем памяти в литературоведении – концепция *памяти в литературе* (memory in literature) – занимается изучением репрезентаций механизмов памяти в литературном произведении. Здесь в центр становятся отношения между литературой и внехудожественной реальностью» (Переходцева 2012:161). Этот подход касается механизма памяти конкретного писателя (в данном случае Леси Украинки). Известно, что именно в детстве поэтесса узнала о таинственном мире лесных существ. Также известно, что дети очень впечатлительные, им нравится то, что по сути своей есть загадочным, тайным, запрещённым, страшным и т. д. В письме к матери Леся объясняет какраз тот факт, почему она вдруг решила написать «Лесную песню»: «Мне кажется, что я просто вспомнила наши леса и загрузила по ним. А то ведь я издавна эту мавку “в уме держала”, ещё аж с того времени, как ты в Жаборице мне что-то про мавок рассказывала, когда мы шли каким то лесом с маленькими, но очень пышными деревьями. Потом я в Колодяжном в месячную ночь бегала одна в лес (вы того никто не знали) и там ждала, чтобы мне привиделась мавка. И над Нечимным она мне видилась, когда мы там ночевали – помнишь? – у дяди Льва Скулинского...Видно, уж надо было мне когда-то её написать, а теперь почему-то пришло “подходящее время” – я и сама не пойму почему. Очеровал меня этот образ на всю жизнь» (перевод авт. – Ю. Л.) (Леся Українка 1979:378-379). То есть детские воспоминания подкреплённые отсутствием родных и близких рядом, пребыванием в чужей стране, дали позитивный результат в данном случае. Этот факт очень схо-

жий с примером из жизни Т. Шевченко, ведь он тоже, пребывая в Петропавловской крепости, написал изумительный шедевр пейзажной лирики «Сад вишнёвый возле дома». Немало таких примеров знает и мировая литература, и это свидетельствует о том, что иностранный топос – это своего рода стимулирующий фактор к тому, чтобы более остро ощутить потребность в родине, разбудить желание её вспомнить в ярких красках. В третьей концепции прослеживается *роль литературы в передаче культурной памяти* (literature in cultural memory). «В рамках данного подхода ученые задаются вопросами, как именно функционирует литература в качестве средства культурной памяти и какую функцию выполняют литературные тексты в памяти культуры» (Переходцева 2012:162]. Здесь мы можем утверждать, что Леся Украинка и её произведение являются хранилищем культурной памяти украинцев, поскольку воссоздав в «Лесной песне» картину жизни мифических персонажей (а в их существование верил чуть ли не каждый житель Полесья), поэтесса таким образом актуализировала функцию для кого-то воспоминания, а для кого-то запоминания.

Известно, что во многих городах Грузии жила семья Леси Украинки и К. Квитки, но именно в Кутаиси была написана драма-феерия. Может быть, что миф о долине Колхиде (куда Аргонавты отправились за золотым руном) каким-то образом повлиял на то, что автор вспомнила о мифах и легендах своего края. Хотя, может, пышная природа, густые леса и реки тоже некоторым образом вызвали ощущение сходства с украинским Полесьем. Но это всего лишь наши гипотезы, потому как об этом сама писательница ничего не говорит. Понятно лишь одно, что явно был какой-то стимул (и весьма сильный), который активизировал информацию, усвоенную в глубоком детстве на эмоциональной почве.

Что касается национальной мифологемы, которая представлена в «Лесной песне», то здесь она даже не общенациональная, а региональная. Но это не имеет большого значения, важно то, что мифологема дуальна, то есть имеет два параллельных миры, черту между которыми стирают Мавка и Лукаш. И даже когда любовь Лукаша угасает к Мавке, эти миры все равно продолжают взаимодействовать. Есть также и медиум в лице дяди Льва. Его миссия состоит в том, чтобы балансировать между мирами, уметь жить и в одном, и в другом. Лев не пытается соединить эти миры, поскольку он хорошо понимает то, что они слишком разные.

В заключении можем отметить, что строение мифологемы за принципом бинарной оппозиции очень характерно для творчества Леси Украинки. Противопоставление ирреального и реального мира, тайного и явного, светлого и тёмного (в тексте драмы-феерии, к слову, так и не понятно до конца, какой из миров светлый, а какой тёмный) – это свидетельство о глубоко архетипном мышлении автора, о его склонности к созданию проблемных,

кризисных ситуаций, в которых человек должен показать грань своих возможностей, а в некоторых случаях даже перешагнуть эту грань. Текст «Лесной песни» – это пример ярких мнемонических особенностей творчества писателя, которые, как ни странно, успешнее срабатывают в иностранных условиях.

ЛИТЕРАТУРА:

- Десятова 1999:** Десятова Ю. Феєрія як різновид драми // Слово і час. – 1999. – № 9.
- Кадубіна 2004:** Кадубіна М. К. Жанрова природа «Лісової пісні» Лесі Українки // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». – Харків : б. в., 2004. – №607. – Вип. 39.
- Кочерга 2010:** Кочерга Світлана. Культурософія Лесі Українки. Семіотичний аналіз текстів : монографія. – Луцьк : ПВД «Твердиня», 2010.
- Лановик 2011:** Лановик М. Національна пам'ять як форманта літературного простору // Наукові записки Тернопільського національного університету ім. В. Гнатюка. Серія «Літературознавство». – Т. : [б. в.], 2011. – Вип. 32.
- Переходцева 2012:** Переходцева О. В. Концепции памяти в современном западном литературоведении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь : [б. и.], 2012. – Вып. 1(17).
- Українка 1951:** Українка Леся. Избранные произведения; [пер. с укр. под ред. Н. Брауна, А. Дейча и М. Рильского]. – Ленинград : Советский писатель, 1951.
- Українка 1979:** Українка Леся. Зібрання творів у дванадцяти томах. Т. 12. – К. : Наук. думка, 1979.

ELIZABETH LITOVSKAYA

Russia, Yekaterinburg

Ukraine Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

Transformation of Emmigrant's Experience in Blogs of Global Russians

The article analyses the transformation of expatriate writers' topics and implementation of global Russians themes in the texts of the journals "Bolshoy Gorod", "Snob" and a number of popular blogs. Global Russians is a new social type of Russian, which is not catching on the basis of place of residence but by for involvement in Russian culture and traditions. They give a rise to the new types of texts, which are associated with the traditional immigrant literature thematically and formally anyway. A special place in the article is paid to the lament tradition, which is characteristic of texts Global Russians and Russian emigre writers of previous generations.

Key words: *Russian emigration, Global Russians, blogs, «Snob», globalization*